

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги Эдварда Сент-Обина,
выпущенные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ПАТРИК МЕЛРОУЗ
Книга 1

Ничего страшного
Плохая новость
Робкая надежда

ПАТРИК МЕЛРОУЗ
Книга 2

Молоко матери
Подводя итог

ДВОЙНОЙ КОНТРОЛЬ

ЭДВАРД СЕНТ-ОБИН

Двойной контроль

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 31

Edward St. Aubyn
DOUBLE BLIND
Copyright © Edward St. Aubyn 2021
First published by Harvill Secker in 2021
All rights reserved

Перевод с английского Александры Питчер

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-19886-9

© А. Питчер, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство ИНОСТРАНКА®

Генри Джеймс, считавший, что романист первым делом обязан заинтересовывать читателя, был бы счастлив познакомиться с Сент-Обином. «Двойной контроль» — эмоционально убедительный и интеллектуально зачаровывающий роман. В диалогах и размышлениях героев умело отражены пересечения важных аспектов науки с нашими насущными повседневными заботами. Я не мог от него оторваться.

Иэн Макьюэн

Эдвард Сент-Обин — вероятно, самый блестящий британский автор своего поколения.

Алан Холлингхерст

Повествование воистину шекспировского размаха переходит от личного к всеобъемлющему в рамках одного параграфа и включает в себя и трагедию, и комедию, и все человеческие слабости... Начинаящий автор вряд ли справился бы с многочисленными нитями повествования, но Сент-Обин умело сплетает их воедино, в замысловатый узор, затрагивая при этом проблемы естествознания, генетики, семейных отношений, философии, психиатрии и экологии, и в итоге сводит все к закономерному финалу. Энергичный, жизнеутверждающий роман задается сложными вопросами — например, «Можно ли полностью осознать чужую субъективность?» — но не дает на них однозначных ответов. Стремительное и ироничное изложение прекрасно продуманных тем и идей полностью поглощает читателя.

Prospect

Уникальная и совершенно неожиданная комбинация едкой трагикомедии с философской глубиной. Сент-Обин сочетает остроумие Уайльда, легкость Вудхауза и язвительность Ивлива Во.

Зэди Смит

Роман с большим сердцем... «Двойной контроль», написанный умно и прочувствованно, подтверждает, что Сент-Обина по праву считают одной из ярких звезд на небосклоне современной британской литературы.

Spectator

Юмор, патетика, пронизательные наблюдения, боль, радость и все, что угодно, между — полный спектр. Эдвард Сент-Обин — один из наших величайших стилистов...

Элис Сиболд

Опыт чтения Сент-Обина поистине незабываем.

Джонатан Франзен

Привлекательные, четко выписанные герои на празднике жизни; живописные картины возрожденной природы; трогательный рассказ о непростой любви... Сент-Обин демонстрирует удивительные грани своего писательского мастерства; его преображение невероятно. Если раньше он блестяще писал о «суровой правде» своего детства, то сейчас затрагивает более сложные темы.

Sunday Times

Остроумие высшей пробы... Возможно, само качество прозы — ее виртуозная экономность и моральная уверенность — символизирует ту надежду на исцеление, которую питают персонажи.

Эдмунд Уайт (Guardian)

В своих предыдущих книгах Сент-Обин избегал сопереживания своим героям либо тщательно его скрывал, но оно явственно присутствует в «Двойном контроле». Несмотря на саркастическую манеру повествования, автор сочувствует страданиям персонажей, вне зависимости от их положения в обществе... Все, кто знаком с предыдущими романами Сент-Обина, без труда узнают его фирменное изящество стиля и элегантность изложения. Выдержанная, размеренная проза настолько затягивает читателя, что невольно перестаешь замечать изощренные стилистические приемы... «Двойной контроль» — еще один впечатляющий роман, вышедший из-под пера признанного мастера стиля.

Irish Independent

Сент-Обин не боится и не ленится разбирать внутреннюю жизнь своих героев во всех подробностях.

Лев Гроссман (Time)

Это один из лучших романов идей — одновременно и занимательный, и глубокомысленный, в котором каждое предложение доставляет огромное удовольствие.

Daily Mail

Сент-Обин не утратил своего умения создавать правдоподобных персонажей... остроумные диалоги не хуже, чем в книгах о Патрике Мелроузе.

Daily Telegraph

Патрик Мелроуз травмирован насилием и жестокостью в детстве, а Фрэнсиса травмирует насилие над планетой, и исцелить его может лишь глубинная связь с природой... Сент-Обин написал смелый роман о науке и о крайностях науки... сейчас очень важны не только идеи, но и роман идей.

Guardian Book of the Week

«Двойной контроль» представляет интерес еще и потому, что Сент-Обин очень взыскателен и точен. Он серьезно рассматривает все темы, затронутые в романе, концентрирует их и тщательно перетасовывает... Иэн Макьюэн — не единственный писатель, который не боится серьезного повествования о науке и технологии.

The New York Times

Сент-Обин с необычайной легкостью затрагивает самые животрепещущие проблемы. «Двойной контроль» пронзает и поражает до глубины души, превращая серьезные темы — нейробиологию, экологию, психоанализ, теологию, онкологию и генетику — в увлекательный фейерверк новаторских идей... В своем восхитительном романе Сент-Обин с алмазной остротой обнажает сущность семьи и любви, дружбы и соперничества, амбиций и нравственности.

Air Mail

Читая Эдварда Сент-Обина, я не могу удержаться от восхищения его писательским мастерством и виртуозностью его предложений... Как возникает сознание; что говорит генетика о нашем существовании; несбыточность недавних утопических надежд на то, что генетика способна предоставить любые объяснения, — все это так же живо изображено в романе идей, как и глубоко прочувствованная и трогательная история любви и привязанности.

Адам Гонник (The New Yorker)

Бесшабашный рассказ о любви и науке в мире, враждебном и тому и другому... Несколько сумбурный, но очень смешной.

Scientific American

Сент-Обин не только населяет свой замечательный роман правдоподобными героями, но и с привычным изяществом повествования рассуждает об эпигенетике, возрож-

дении природы, нейробиологии, искусстве и философии, описывая кардинальные изменения в жизни трех друзей — Фрэнсиса, Оливии и Люси... Сент-Обин легко и свободно обсуждает неоднозначные представления о разуме и его преломлениях. Книга заслуживает внимания.

Publishers Weekly

Искусный, тщательно проработанный сюжет... Роман отличается интеллектуальной глубиной, сходной с книгами Ричарда Пауэрса, но подает ее в юмористическом ключе... Сент-Обин исследует человеческие слабости и бесстрашно затрагивает серьезные темы психического здоровья и психических расстройств... Эта прекрасно написанная книга заставляет о многом задуматься.

Kirkus Reviews

«Двойной контроль» — глубокомысленный роман, в котором героини экспериментируют с медициной, психологией, наркотиками, религией и медитацией, чтобы разобраться в себе и примириться с собой. Несмотря на кажущуюся замкнутость, книга получилась проникновенной, потому что Сент-Обин не один десяток лет размышляет над затронутыми темами.

Guardian

По накалу естественной, ни капли не натужной трагичности Сент-Обин не уступает Ивлину Во...

The Boston Globe

У себя на родине статус у Сент-Обина особый: он является признанным мастером пера, одним из самых блестящих знатоков английского языка, обладающим безупречным вкусом и чувством слова. По сути, Сент-Обин создал полноценную семейную хронику, адаптировав ее к нынешнему ритму жизни. Остроумие Сент-Обина во многом родственно уайльдовскому, если рассматривать письменное

наследие последнего во всей совокупности — блестящего жизнелюбия молодости и горького трагизма последних лет. Влияние Вудхауза (или же просто культурное родство), несомненно, присутствует. Если же говорить о язвительности и сарказме Ивлина Во — это тот спасительный круг, являющийся настройкой по умолчанию британского менталитета и культуры...

Российская газета

Посвящается Саре

Часть первая

Фрэнсис углубился в заросли ивняка, что раскинулись на участке рядом с домом, то отводя в стороны гибкие ветви, то проскальзывая между ними. Когда осклизлая, раскисшая тропка сменилась твердой почвой между деревьев, он зашагал увереннее и теперь замечал и октябрьский воздух, уже студёный, но все еще ласковый; и ароматы растущих грибов и напитанного влагой мха; и багряную дерзость, и желтую апатию палой листвы; и ворон, хрипло каркавших на соседских полях. Жизнь вокруг него и жизнь внутри его смешивались друг с другом, сливались то в путанице ощущений — когда он касался ветки, ветка касалась его, — то в сравнениях и уподоблениях, то, на самом краешке сознания, как лабиринт подземных ручьев или светлая сеть корней под ногами, предполагаемая, но невидимая. Это расплывчатое взаимодействие жизни, с трудом удерживаемое разумом, было основополагающим фоном для всех четко очерченных частностей, которые пытались монополизировать внимание, вот как малиновка, которая на миг опустилась на ветку перед Фрэнсисом, заставив невольно повторить крошечные резкие движения ее шеи и пригласив следовать за извилистыми петлями

бреющего полета среди деревьев, шорохом возвещая о своем продвижении. Всякая форма жизни привносила в мир свои впечатления, иногда тесно сплетенные с другими, как кокон ириды-радужницы, который прошлым маем Фрэнсис заметил на одной из ивовых ветвей, иногда мельком проникающие друг в друга, как эта малиновка, которая только что присела на такую же ветку, а иногда совершенно изолированные, как колония бактерий, скрытая на антарктической скале, но все же занимающая свою нишу среди гулко свистящих ветров и вечных морозов.

К обеду в гости к Фрэнсису впервые должна была приехать Оливия. Ее визит был весьма смелым шагом для людей, мало знающих друг друга, но ни ему, ни ей не хотелось завершить прошлые выходные невнятными обещаниями о встрече в будущем, когда энтузиазм истощится, а застенчивость возрастет. На конференции в Оксфорде, еще до того, как их познакомили, между ними возникло некое подспудное взаимное влечение, ощущение не столько открытия, сколько узнавания. Оливия была очень хорошенькой брюнеткой, и ее каштановые волосы выгодно оттеняли бледно-голубые глаза, но Фрэнсиса в первую очередь привлекла ясность ее взора. Он сразу осознал, что она не просто смотрит в глаза собеседнику, как и произошло при их первой встрече, даже после того, как угаснут вежливые улыбки, обязательные при знакомстве, но не отведет взгляда ни в замешательстве, ни в смущении. Моральный соблазн такого рода делал ее физическую привлекательность неотразимой. Они провели вместе всего одну ночь, в которой, однако же, сквозила робкая напряжен-

ность влюбленности, а не искусная раскованность гедонизма.

Любопытно, как Оливия воспримет такую прогулку? Ощутит ли себя, как и он, частью паутины жизни? Фрэнсиса очень интересовало, как изучение биологии повлияло на отношение Оливии к природе. Изучение биологии предполагает убийство живых организмов, во время или после проведения соответствующих экспериментов, а следовательно, требует некоторого отмежевания от природы. «Исследуемым организмам», будь то дрозофила, мышь, собака, крыса, кошка, макака-резус или шимпанзе, не уготовано ничего хорошего. Сам он, будучи студентом, провел множество опытов — вивисекций, препарирований, намеренных заражений — на лабораторных животных, что в конце концов и заставило его обратиться к изучению ботаники. Ради чего каждому поколению студентов биологического факультета приходится ампутировать ноги лягушкам и рассматривать бьющиеся сердца распятых млекопитающих, будто их готовят к вступлению в банду злодеев, куда принимают лишь тех, кто совершил бессмысленное убийство? Бросив вызов этой традиции, он обнаружил у Витгенштейна любопытную цитату, не особо примечательную, но в то время весьма подходящую, поскольку она оправдывала его недоверие к существующим методам обучения. «Физиологическая жизнь — это, конечно, не „жизнь“. Не является таковой и психологическая жизнь. Жизнь — это Мир»¹. Что ж, смертоносного биолога из него не вышло, зато он остался

¹ Людвиг Витгенштейн. Дневники, 1914–1916 гг. (перев. В. Суворцева).

натуралистом, пытаясь как можно глубже проникнуться смыслом последнего из этих трех коротких предложений. Натуралист — вполне почтенная профессия; в конце концов, до появления неодарвинизма существовал дарвинизм, а до дарвинизма — Дарвин, который писал о земляных червях, вел тщательные наблюдения за живыми существами, вступал в общества любителей голубей, занимался садоводством и переписывался с другими натуралистами, не называя их исследования бессистемными или выборочными.

Фрэнсис остановился. За восемь лет, проведенных в Хоурте, он изучил грибы, растущие в здешних угодьях, и знал, в каких лесах можно собрать гигантские дождевики или белые грибы на обед, а на каких лугах и пастбищах растут скромные хрупкие веселушки, скрывающие в своих тонких шляпках псилоцибин, будто драгоценности в отрепьях беженца. А сейчас он едва не наступил на лисичку. Все это свидетельствовало о присутствии обширной микоризы, симбиотической ассоциации мицелия гриба с древесными корнями для лучшего усвоения питательных веществ из почвы. В некоторых экосистемах питательные вещества передаются от здоровых растений к чахнувшим, но, как правило, формирование микоризы занимает значительное время. Фрэнсиса очень радовало, что эксперимент по восстановлению дикой природы приносит плоды. Десять лет назад владельцы поместья заметили, что древние дубы в Хоурте начали засыхать, их кроны утратили пышность, а засохшие сучья торчали из листвы, как рога. Приглашенный специалист объяснил, что дубы

умирают, поскольку пахота повреждает их корневую систему в почве, и без того отравленной пестицидами и химическими удобрениями. Деревья, пережившие века кораблестроения, промышленную революцию и Вторую мировую войну, не выдержали сельскохозяйственных нововведений. Джордж и Эмма, владельцы поместья Хоурт, решили отказаться от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и начать планомерное восстановление угодий. Там, где еще недавно колосились пшеничные нивы, теперь бродили благородные олени и лани, свиньи темворской породы, английские лонгхорны и табун эксмурских пони, заменившие животных, которые некогда обитали в Британии, — туров, лесных тарпанов и диких кабанов, а сам ландшафт постепенно превращался в некое подобие английской саванны: луга, поросшие кустарником и купами деревьев.

В обязанности Фрэнсиса, который приехал в Хоурт спустя два года после начала эксперимента, входило наблюдение за «одичанием» флоры и фауны поместья, а также проведение экскурсий для посетителей. Теперь он жил среди изобилия природных богатств, соловьев и горлиц, там, где спасали от исчезновения редкие виды и приумножали ценные научные наблюдения. К примеру, кокон ириды-радужницы, замеченный Фрэнсисом на ветвях ивы посреди луга, противоречил общепринятому мнению, что радужницы — лесные бабочки. Сельское хозяйство уничтожило отдельно стоящие купы деревьев прежде, чем сведения об их экосистемах были зафиксированы в специальной литературе. До начала эксперимента в поместье был один-единственный пруд, не слиш-

ком загрязненный нитратами, где прозябала редкая болотная турча. Теперь же турча распространилась и по другим водоемам, от которых лучами тянулись небольшие канавки, намытые дождевой водой. Иногда, поздней весной, когда канавки еще не пересохли, у водоемов собирались целые стада животных, будто в Африке, а не в Англии, — олени и рогатый скот приходили на водопой, в прудах плавали стайки уток и камышниц, над водой носились ласточки и стрекозы, а с неба лились звонкие песни жаворонков, перекрывая птичий гомон в камышах.

Равнины Хоурта, с их глиноземными почвами, в одном из самых густонаселенных регионов страны, весьма отличались от сомерсетширской деревни, где вырос Фрэнсис, на окраине заповедника Кванток-Хиллс, первым в Англии получившего статус особо охраняемой природной территории. В деревне стоял дом, в котором некогда жил Кольридж. В тридцати милях отсюда, в Эксмуре, на ферме Эш, поэт начал сочинять поэму «Кубла-хан», но ему помешал некий «человек из Порлока» — прибрежного поселка, куда Фрэнсиса часто привозили в детстве, и там он всякий раз долго и безуспешно выискивал того, кто посмел нарушить покой бедного Кольриджа. Отец Фрэнсиса мечтал стать ветеринаром, но ему не хватило денег завершить образование, поэтому он устроился на службу в тонтонское отделение банка «Ллойдс», то самое, где брали ссуды родители отца, хозяева небольшой молочной фермы. Предполагалось, что работа в банке — временная мера, но ипотечный кредит и рождение ребенка так и не позволили отцу Фрэнсиса посвятить себя любимому делу, и он остался банков-

ским служащим, выдававшим сельскохозяйственные ссуды, что хотя бы позволяло ему ездить по окрестным фермам и общаться с клиентами, ценившими его живой интерес и пристальное внимание, которые он проявлял к их стадам.

В отчем доме Фрэнсиса было много животных: невероятно умная овчарка по имени Бальгазар, аквариум с тропическими рыбками, медлительная черепаха в саду и нервный кролик-альбинос по кличке Альфонсо, который трагически погиб, когда прогрыз оболочку электропровода. Поскольку овец поблизости не было, Бальгазар оттачивал умения и навыки пастушьей собаки на курах, которых разводила мать Фрэнсиса, так что ей пришлось просить мужа отгородить птицам загон. Фрэнсису тогда было всего шесть лет, но ему позволили принять в этом участие.

Отец с несвойственным ему жаром схватился за молоток, чем немало напугал Фрэнсиса, но после нескольких яростных ударов извинился и объяснил, что семье его давних знакомых пришлось отдать банку свою ферму, чтобы расплатиться с долгами. Фермеры изо всех сил боролись за свое хозяйство, и отцу было очень неловко, что он не смог им помочь.

— Давай-ка измерим длину ограды, — сказал он, немного успокоившись. — А ты, сынок, поможешь мне нарезать проволоку.

Воскресным вечером строительство завершилось: сверкающая проволока, протянутая в три ряда между шестью ивовыми кольями, отгораживала дальний конец сада. Поначалу новенькая ограда слишком бросалась в глаза, но весной голые кольца, вроде бы из выдержанной древесины, внезапно пробудились к жиз-

ни, выпустили молодые побеги и превратились в ивы. Фрэнсис на всю жизнь остался впечатлен своим ранним знакомством с чудом возрождения, и теперь в его воображении хоуртский ландшафт сливался со знакомыми с детства пейзажами, а общность возрождающих сил природы нивелировала различия между родными пенатами и новым местом жительства.

Фрэнсис и Оливия принадлежали к поколению, считавшему, что родилось на планете, необратимо искалеченной людской алчностью и невежеством. Предыдущие поколения тревожились о ядерной войне, но Фрэнсис, которому исполнилось пять лет в тот год, когда пала Берлинская стена, полагал, что уничтожить биосферу куда легче обычной практикой ведения дел, а не военными действиями. На конференции о мегафауне они с Оливией разговорились, возможно уже возбужденные встречей, однако пока не решаясь признать это вслух, и Фрэнсис заметил, что оба со странным увлечением, словно бы наперегонки, готовы обсуждать неминуемую гибель природы. Оба склонялись к мнению, что, вероятнее всего, эпоха антропоцена завершится не триумфальной победой ее главного движителя, а его тотальным поражением; точнее, победа и поражение станут неотъемлемыми частями одного и того же события, по аналогии с тем, как гордые владельцы разрежут алую ленточку у дверей новехонького небоскреба, который тут же рухнет и похоронит их под лавиной обломков. Фрэнсис признался Оливии, что в юности мысли о грядущей экологической катастрофе ввергали его в глубокую депрессию и приводили в отчаяние. Когда он узнал, что закисление океанов, вызванное попадани-

ем в воду углекислого газа из атмосферы, приведет к исчезновению тридцати процентов морской флоры и фауны, масштаб кризиса заставил его содрогнуться от ужаса и соразмерного с ним ощущения собственного бессилия. Он считал, что если каждый солдат, погибший на войне, заслуживает, чтобы его имя высекли на памятнике, то подобного же заслуживает и каждый вид животных или растений, исчезнувший в результате невозбранного истребления или уничтожения его местообитания. Обязательный торжественный визит в Мемориальный зал исчезнувших видов стал бы достойным завершением всякого посещения зоопарка, куда приходят полюбоваться редкими животными, томящимися в неволе. К двадцати годам Фрэнсис, пытаясь перебороть гнетущий страх перед неминуемой катастрофой, нашел себе отдушину, примкнув к активистам экологического движения, и даже принимал участие в секретных операциях — например, под покровом ночи выпускал бобров в реки Девона. К сожалению, воодушевление, испытываемое в обществе единомышленников, зачастую сменялось озлоблением на все остальное человечество, на этих «зомби-потребителей», для которых природа — всего лишь очередное развлечение, добродетельная замена сидению перед телевизором в погожий денек. Насколько было известно Фрэнсису, проблемы экологии вызывали экзистенциальную тревогу почти у всех, но большинство не имело понятия, как с ними бороться, разве что целыми днями набивать себе брюхо, чтобы потом аккуратно рассортировать образовавшийся мусор и пищевые отходы по предназначенным для этого мешкам.

Сент-Обин Э.

С 31 Двойной контроль : роман / Эдвард Сент-Обин ; пер. с англ. А. Питчер. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 352 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-19886-9

«Цикл романов о Патрике Мелроузе явился для меня самым потрясающим читательским опытом последнего десятилетия», — писал Майкл Шейбон. Ему вторили такие маститые литераторы, как Дэвид Николс («Романы Эдварда Сент-Обина о Патрике Мелроузе — полный восторг от начала до конца. Читать всем, немедленно!»), Алан Холлингхерст («Эдвард Сент-Обин — вероятно, самый блестящий британский автор своего поколения»), Элис Сиболд («Эдвард Сент-Обин — один из наших величайших стилистов, а его романы о Патрике Мелроузе — шедевр литературы XXI века») и многие другие. Ну а в телесериале «Патрик Мелроуз» главную роль блистательно исполнил Бенедикт Камбербетч.

В своем новейшем романе «Двойной контроль» Сент-Обин «с необычайной легкостью затрагивает самые животрепещущие проблемы. Книга пронзает и поражает до глубины души, превращая серьезные темы — нейробиологию, экологию, психоанализ, теологию, онкологию и генетику в увлекательный фейерверк новаторских идей... В своем восхитительном романе Сент-Обин с алмазной остротой обнажает сущность семьи и любви, дружбы и соперничества, амбиций и нравственности» (*Air Mail*). Перемещаясь из Лондона на французский Лазурный Берег, а из глуши Сассекса в калифорнийский Биг-Сур, герои Сент-Обина исследуют темы свободы и предопределения, загадки жизни и проблемы сознания. При этом Фрэнсис и Оливия без ума влюблены друг в друга, а Люси, старая подруга Хантером, виртуозом венчурных инвестиций...

«Генри Джеймс, считавший, что романист первым делом обязан заинтересовывать читателя, был бы счастлив познакомиться с Сент-Обином. „Двойной контроль“ — эмоционально убедительный и интеллектуально зачаровывающий роман. Я не мог от него оторваться» (Иэн Макьюэн).

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭДВАРД СЕНТ-ОБИН
ДВОЙНОЙ КОНТРОЛЬ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Лариса Ершова

Подписано в печать 09.08.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-28657-01-R